

А. Лорети (Москва, Россия)

Дебаты об итальянском разговорном языке и о способах его распространения после объявления итальянского государства

Аннотация: В статье рассматривается роль дебатов в определении национального устного языка в Италии, где расхождение между письменным, литературным языком и устными диалектами было исторически очень сильным. В становление устного языка внес решающий вклад Алессандро Мандзони, который утвердил флорентийский язык как модель устного итальянского языка. Участие в дебатах о национальном языке принял также Грацидио Исаяя Асколи, который предположил, что принятие флорентийского языка приведет к формальному культу «народной чистоты» вместо идеала «классической чистоты» и что распространение языка станет результатом более глубокого действия с целью распространения культуры и преодоления пропасти, отделяющей узкий круг интеллектуалов от остального населения. Сближение письменного и устного итальянского языка привело к тому, что на сегодняшний день владение письменной речью среди итальянцев ниже, чем средний показатель в европейских странах, а устный язык итальянцы все еще воспринимают как неестественный язык.

Ключевые слова: Италия, итальянский, дебаты о национальном языке, диалекты, латинский, Алессандро Мандзони, Грацидио Исаяя Асколи

A. Loreti (Moscow, Russia)

The Role of the Debates on the Definition of the Italian Oral Language and on the Means of Its Propagation after the Italian State Declaration

Abstract: The article examines the role of debates on the definition of a national oral language in Italy, where the divergence between the written, literary language and oral dialects has historically been very significant. The decisive contribution to the definition of the oral language, by choosing the Florentine language as the model of the oral Italian language was made by Alessandro Manzoni along with Graziadio Isayah Ascoli, who suggested that the adoption of the Florentine language would lead to a formal cult of “popular purity” instead of the ideal of “classical purity”, and that the linguistic would be the result of a deeper action with the aim of spreading culture and bridging the gap, separating a small circle of intellectuals from the rest of the population. In conclusion, the author considers that the convergence of written and spoken Italian has led to the fact that, today, the proficiency in written language among Italians is lower than the average

in European countries, and Italians still perceive the spoken language as an unnatural language.

Key words: Italy, Italian, national language debate, dialects, Latin, Alessandro Manzoni, Graziadio Isaia Ascoli

В данной статье рассматриваются основные исторические позиции по вопросу об определении национального языка Италии в годы после объединения страны. С точки зрения языка главная специфика Италии заключается в том, что в ней за пятьсот лет до образования итальянского государства уже существовал тот язык, который в конце XIX в. был утвержден как государственный. Однако этот язык использовался только как письменный. Таким образом, в связи с дебатами об определении национального языка мы также будем рассматривать современную картину итальянского языка, который в течение долгого времени был языком только поэтов и писателей, прежде чем стать в прошлом веке общим языком всех жителей Италии.

В 1963 г. была опубликована книга итальянского лингвиста Туллио Де Мауро «Лингвистическая история объединенной Италии». Оценивая общую ситуацию с итальянским языком в стране в годы Объединения, автор допустил [De Mauro 1963: 43], что прямой контакт с государственным языком и его эффективное и окончательное усвоение имели место только для тех граждан, которые после начальной школы продолжали обучение еще несколько лет. В то же время автор обратил внимание на то, что в Тоскане и в Риме местные диалекты были особенно близки к государственному языку по фонологической, морфологической и лексической структуре, и потому он счел правомерным положение, что в годы Объединения к 160 000 говорящих на итальянском языке из других регионов необходимо добавить примерно 400 000 тосканцев и 70 000 римлян. В итоге общая доля говорящих на итальянском языке составляла около 630 000 граждан из более 25 миллионов итальянцев, следовательно, всего 2,5% общего населения. Чтобы правильно понять, с чем было связано отсутствие общего разговорного языка у жителей Италии на момент образования государства, стоит вернуться во времена Данте и коротко осветить основные исторические этапы возникновения и развития итальянского языка.

В «*De vulgari eloquentia*» («О народном красноречии») Данте ставит перед собой целью выделить среди итальянских народных языков тот, который мог бы стать общим для всех итальянских писателей. Данте пришел к выводу, что на роль литературного языка достоин претендовать только тосканский народный язык, и привел два довода в пользу подобного выбора. Во-первых, Данте отметил высочайшую ценность литературы в стихах на тосканском народном языке. Во-вторых, по мнению Данте, тосканский народный язык был особенно близок к латыни по грамматическим структурам, и потому выучить его смогли бы не только уроженцам Тосканы.

Таким образом начиная со второй половины тринадцатого века и особенно в первые десятилетия четырнадцатого флорентийский диалект утвердился в роли преобладающего литературного языка во всех областях Италии. Другими словами, это произошло еще за шесть столетий до того, как он стал доминирующим и на уровне разговорного языка (XIX в.). Распространение флорентийского диалекта за пределы Тосканы не произошло ни в результате военного давления (на что у

тосканцев никогда не было способностей) [Bruni 2003: 226], ни под воздействием официальных бюрократических структур или официальных письменных практик (языком официальных и политических актов являлась латынь) и не благодаря качественной системе образования (так как до XVIII в. лекции в университетах читали не на народном, а на латинском языке). Самым мощным толчком к распространению «флорентийского диалекта» среди представителей «интеллигенции» того времени по всей территории итальянского полуострова стал внезапный и необычайный успех «Комедии» Данте. Вскоре за «Комедией» последовали «Декамерон» Боккаччо и «Книга песен» Петрарки.

С другой стороны, стоит отметить, что при постепенном распространении флорентийского языка в качестве литературного среди подавляющего большинства итальянского населения в устном общении по-прежнему использовались диалекты. После великой эпохи «народного языка», которой был четырнадцатый век, пятнадцатый отличался противоположными тенденциями: с одной стороны, продолжением «языковой тосканизации» Италии, но в то же время возрождением интереса к авторам античной литературы и философии на латинском и греческом языках. На протяжении именно этого столетия приобрел особо острый характер «вопрос о языке», т. е. вопрос о тех языковых нормах, которые писателям следует принять для своих сочинений.

Венецианский гуманист Пьетро Бембо в «Рассуждениях в прозе о народном языке» (1525) настаивал на необходимости обращаться к литературному тосканскому языку XIV в., в частности к языку Боккаччо для прозаиков и к языку Петрарки для поэтов.

Таким образом, гуманисты XV в. установили стилистически-лингвистические и грамматические правила латинского языка по образцу произведений Цицерона и Вергилия, а также четко сформулировали своего рода канон подражания народному языку Петрарки и Боккаччо. Подражание флорентийскому языку сыграло важнейшую роль в итальянской языковой истории. С этого момента уже существующее на территории Италии расхождение между письменным, литературным языком и устными диалектами стало углубляться, в результате чего итальянцы для повседневного общения до относительно недавнего времени использовали преимущественно диалекты, а писатели продолжали писать на языке Петрарки и Боккаччо, который сохранился вплоть до наших дней без особых изменений. Поэтому специально созданная для сохранения традиции языка великих поэтов Академия делла Круска издала Словарь, из которого исключались любые новые слова, связанные с прогрессом знаний.

Живая реакция на «пуризм» Словаря Академии делла Круска наблюдается в восемнадцатом веке, в эпоху Просвещения. Особо активно в полемике участвовала миланская группа, собравшаяся вокруг журнала «Il Caffè» (1764–1766) под руководством братьев Пьетро и Алессандро Верри. Со страниц «Il Caffè» братья Верри настойчиво заявляли о необходимости нового языка, более подходящего для современного общества: они считали абсурдными призывы сторонников пуризма строго придерживаться античных примеров; напротив, указывая на необходимость сделать итальянский язык более гибким и конкретным, они приветствовали неологизмы и заимствования, связанные с прогрессом науки и техники, с преобразованиями экономической и промышленной деятельности, с изменениями в обычаях и менталитете.

Однако настоящий пуризм зародился в начале девятнадцатого века, когда аббат Антонио Чезари (1760–1828), инициатор движения, высказался за бескомпромиссное возвращение в «золотой» четырнадцатый век для решения вопроса о языке. Писателей того столетия следовало рассматривать как единственный лексический источник, к которому можно было обратиться также для нужд современной науки и техники. Таким образом, Чезари призывал остановить волну французских заимствований, проникшую в итальянский язык в эпоху Просвещения, считая это «уродством варварского и чудовищного языка» [Cesari 1843: 81].

Вопрос о языке на государственном уровне был поставлен в связи со школьной программой в январе 1868 г. по инициативе министра просвещения Эмилио Брوليو, который дал приказ отчитаться о ситуации с языком в Италии двум комиссиям экспертов, одной – миланской, под председательством авторитетного и пожилого Алессандро Мандзони (1785–1873), другой – флорентийской, возглавляемой педагогом Рафаэлло Ламбускини (1788–1873). Министр ставил перед экспертами задачу «исследовать и предложить все меры и способы, с помощью которых мы сможем добиться того, чтобы знание хорошего языка и хорошего произношения стало более универсальным во всех слоях населения» [Migliorini 1978: 685]. Мы более подробно остановимся на отчете Мандзони, опубликованном несколько месяцев спустя после приглашения министра. Доклад Мандзони открывается утверждением, что наличие множественности идиом представляет собой серьезное препятствие на пути к достижению языкового единства. Таким образом, аргумент Мандзони основывается на тех же предпосылках, на которые в свое время с разными целями опирались Данте и Бембо (Manzoni 1868): «Для нации, представители которой разговаривают на различных языках и которая стремится к общему языку, естественно, подобное разнообразие представляет собой первое и мощное препятствие на пути к своему замыслу. Препятствие становится тем более серьезным, поскольку не существует согласия относительно средств (языка), которые следует использовать для преодоления множественности и замены ее единством» [Manzoni 1881: 599]. Язык представляет собой целую сложную систему, которая включает как часть литературный язык, а данная система должна служить для коммуникативных потребностей сообщества носителей. С одной стороны, Мандзони отказался от идей сторонников пуризма, которые для потребностей настоящего обращались к языку прошлого; с другой – исходя из того, что невозможен язык без общества, ежедневно на нем говорящего [Vitale 1978: 351–352], Мандзони признал первенство устной речи над письменной [Dardano, Trifone 1995: 80].

Затем Мандзони отметил, что латынь и французский язык являются результатом «живого и воссоединившегося общества, где целостность и непрерывность отношений между людьми обязательно приводят к единообразному использованию языка» [Manzoni 1881: 601]. Согласно Мандзони, о языке «не может идти речь, если только не о языке как целом; и стремление к созданию языка с помощью отдельных частей, взятых то отсюда, то оттуда, – это лишь способ вечно воображать, что ты это делаешь, хотя на самом деле ты никогда этого не делал» [Manzoni 1881: 601–602]. Таким образом, модель должна быть однообразна и освобождена от всяких различий. Дело в том, что литературный тосканский язык (в первую очередь, язык Петрарки или Боккаччо) имеет однообразный и единый характер, тогда как устный язык тосканцев довольно сильно отличается от места к месту. Проблема диалектических отличий между различными формами устного языка в

Тоскане решается путем утверждения культурного разнообразия Флоренции в качестве модели, «и, согласно изложенным здесь принципам и фактам, соответствующий словарь для Италии не мог быть ничем иным, как словарем живого флорентийского языка» [Manzoni 1881: 602]. По всей видимости, Мандзони акцентировал внимание в первую очередь на лексике: единство языка, с его точки зрения, не что иное, как единство лексики. В этой связи Дардано отметил: «Ограниченность концепции, рассматривающей язык как комплекс слов, подчиняющихся правилам, очевидна. Данные ограничения становятся видны на фоне определенного подхода к вопросу о языке, в котором акцентируют внимание именно на лексике [...], оставляя в стороне синтаксическое структурирование предложения и взаимоотношения между различными уровнями языка» [Dardano 1978: 89]. Автор выявил цель, которая, с одной стороны, связана с устным языком, а с другой стороны, может быть достигнута посредством использования письменных учебных средств наряду с другими конкретными образовательными мерами. Мандзони высказался за предложение послать тосканских учителей во все регионы Италии при соответствующей финансовой поддержке местными муниципалитетами для реализации подобной программы [Sobrero, Miglietta 2006: 47]; с другой стороны, предложил в качестве стимулирующих надбавок наградные учебные поездки во Флоренцию для наиболее достойных учеников любого направления и уровня образования, уделяя особое внимание тем ученикам, которые впоследствии станут учителями [De Blasi 2008: 75]. Мандзони завершил доклад признанием заслуг министра Брольо, который «освободил социальный и национальный вопрос о языке от связи с литературными вопросами» [Manzoni 1881: 608].

Несколько лет спустя вслед за Мандзони лингвист Грациаджо Исайя Асколи (1829–1907) принял участие в дебатах о национальном языке, опубликовав работу в качестве предисловия к научному журналу по лингвистическим вопросам под названием «Итальянский глоттологический архив». В предисловии от 10 сентября 1873 г. Асколи, раскрывая свой скептицизм по отношению к флорентийскому образу языка, возможно, в итоге вернул письменному языку то первенство, которое Мандзони пытался приписать устному языку. Мандзони акцентировал внимание на проблеме незнания основного итальянского лексикона представителями тех слоев общества, которые, как правило, далеки от тех, кого Асколи назвал «работниками ума» [Ascoli 1873: xxv]. Асколи же обратил внимание на последствия решения Мандзони (особенно в тех формах, которые придали ему последователи миланского писателя), которые могли бы негативно отразиться на точности и остроте языка интеллигенции в том случае, если оно приведет к некритическому принятию чисто разговорного языка и произношения. В частности, по мнению Асколи, принятие флорентийского живого разговорного языка также сможет привести к полной грамматической неправильности или даже к торжественному восхвалению неточностей. Асколи раскритиковал не столько Мандзони, сколько реальную (и, возможно, опасную) тенденцию, предусматривавшую, среди прочего, распространение в культурной сфере нефильТРованного народного флорентийского языка: «Работникам ума предлагается в определенной степени приостановить свою собственную деятельность и не пополнять свой умственный потенциал погруженным изучением очередной серии книг, питающих их мысли и исследования (что было бы приемлемо), а заставить их подражать (они говорят, подражать по обязанности) городскому разговору, которому их будут учить по

словарю кормилица или учитель начальной школы, которого отправят (из столь богатой неграмотными земли) цивилизовать их провинцию» [Ascoli 1873: xxv].

Вкратце, распространение флорентийского языка, на что надеялся Мандзони, внесло решающий вклад «в освобождение итальянской литературы или умов итальянцев от старейшего рака риторики» [Ascoli 1873: xxviii], но не смогло предотвратить в Италии «двойного препятствия итальянской цивилизации: недостаточной плотности культуры в стране и чрезмерной заботы о форме» [Ascoli 1873: xxvi]. Следовательно, само по себе принятие флорентийского языка не представляет собой решение проблемы, а приведет к формальному культу «народной чистоты» вместо идеала «классической чистоты» [Ascoli 1873: xxx].

Таким образом, Асколи не согласился с Мандзони в том, что культура нации измеряется степенью большей или меньшей близости между разговорным и письменным языком. В этой связи Асколи писал: «...как будто бы у нас дома было совершенно ясно, что повышение культуры происходит прямо вследствие близости или большей близости между устной и письменной речью, в то время как все на самом деле наоборот» [Ascoli 1873: xxviii]. Асколи с особой энергией подчеркивал тесную связь между вопросом о языке и культурной жизнью страны. История доказала, что Флоренция не обладает в Италии первенством, т. е. не играет руководящей роли в культуре, например, такой, какую играл Париж во Франции. Языковое объединение не будет достигнуто путем авторитарного навязывания определенной нормы, оно должно быть результатом более серьезных усилий для распространения культуры и преодоления пропасти, отделяющей узкий круг интеллектуалов от остального населения.

В завершение, подходя к более современной языковой картине Италии, мы можем отметить, что принудительные меры, предложенные Мандзони, принесли мало пользы распространению итальянского языка. Но несмотря на это письменная и устная речь сблизилась после столетий разлуки (как и пожелал Мандзони), и в итоге устный итальянский язык стал общим языком всей нации. С другой стороны, подход Асколи к вопросу о языке оказался в целом более реалистичным и, скорее всего, также более целесообразным, чем предложения Мандзони, но опять же: итальянский язык стал языком итальянцев не в результате процесса распространения культуры и литературной традиции по всем слоям итальянского населения, как предполагал Асколи. В далеко не самой читающей стране мира в качестве национального языка был избран язык, который в течение пятисот лет использовался исключительно для литературы и который явно не был предназначен для всех жизненных нужд среднего человека XIX в. Таким образом, следует отметить, что итальянский стал общим языком нации в результате действий средств массовой информации и, в частности телевидения. Средства массовой информации способствовали распространению языка, в котором, однако, за рекламными и политическими лозунгами, за бюрократическими и громкими выражениями, за сложными оборотами речи скрывается банальность или неточность содержания. В качестве примера приведем тот факт, что в Италии зачастую автоматически прибегают к таким выражениям, как, например, «portare avanti un certo tipo di discorso», которые, судя по всему, имеют расплывчатый и неточный смысл [Dardano, Trifone 1995: 83]. С учетом вышесказанного можно заключить, что сближение письменного и устного итальянского языка привело на сегодняшний день к тому, что, с одной стороны, владение письменной речью среди итальянцев ниже, чем средний показатель в европейских странах, с другой же стороны, устный язык

итальянцы в большей степени все еще воспринимают как неестественный, из-за чего зачастую переходят на диалект для более точного, яркого и естественного выражения эмоций и мыслей, для общения с друзьями или с пожилыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Alighieri 1878 – Alighieri D. (1878) *De Vulgari Eloquentia libri duo 1303–1305*. In: *Le Opere Latine di Dante Allighieri*. Vol. I. Firenze. Successori Le Monnier. 454 p.

Ascoli 1873 – Ascoli G.I. Proemio. *Archivio Glottologico Italiano*. 1873. No 1, pp. V–XLI.

Bruni 2003 – Bruni F. Italiano all'estero e italiano sommerso: una lingua senza impero. In: *Storia della lingua e storia / A cura di G. Alfieri*. Firenze. Cesati. 2003, pp. 179–198.

Cesari 1843 – Cesari A. (1843) *La dissertazione sullo stato presente della lingua italiana e il dialogo delle Grazie*. Firenze. Ricordi e Jouhaud. 336 p.

Dardano, Trifone 1995 – Dardano M., Trifone P. A. (1995) *Grammatica italiana. Con nozioni di linguistica*. Bologna. Zanichelli. 789 p.

Dardano 1974 – Dardano M. G.I. (1974) *Ascoli e la questione della lingua*. Roma. Istituto della enciclopedia italiana. 170 p.

De Blasi 2008 – De Blasi (2008) N. *Piccola storia della lingua italiana*. Napoli. Liguori. 148 p.

De Mauro 1963 – De Mauro T. (1963) *Storia linguistica dell'Italia repubblicana dal 1946 ai nostri giorni*. Roma; Bari. Editori Laterza. 594 p.

Manzoni 1881 – Manzoni A. *Dell'unità della lingua e dei mezzi di diffonderla. Relazione al Ministro della Pubblica Istruzione proposta da Alessandro Manzoni agli amici colleghi Bonghi e Carcano, ed accettata da loro*. In: *Manzoni A. Opere varie*. Milano. Fratelli Rechiedei. 1881. 732 p.

Migliorini 1978 – Migliorini B. (1978) *Storia della lingua italiana*. Firenze. Sansoni. 885 p.

Serianni 2015 – Serianni L. (2015) *Prima lezione di storia della lingua italiana*. Roma; Bari: Editori Laterza. 198 p.

Sobrero, Miglietta 2006 – Sobrero A. A., Miglietta A. (2006) *Introduzione alla linguistica italiana*. Roma; Bari. Laterza. 276 p.

Vitale 1978 – Vitale M. (1978) *La questione della lingua*. Palumbo. Palermo. 804 p.

Сведения об авторе:

Анджело Лорети,
канд. филос. наук

ст. преподаватель

Аграрно-технологический институт
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

Angelo Loreti,
PhD (Università degli Studi di Firenze,
Lomonosov Moscow State University)

Senior Lecturer

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia

loreti_a@yahoo.it